

Я попал в курсовики к Б.Н. Садовскому во многом неожиданно для себя. На первом курсе из наших преподавателей наибольшее впечатление на меня производил Е.А. Лифшиц. Математика тогда казалась мне мистической наукой, а Евгений Аркадьевич вполне соответствовал такому образу. Но жизнь сложилась иначе. В то время в ВГУ было много различных семинаров. Было принято вешать о них объявления на доску на втором этаже. Так появилось и объявление Бориса Николаевича. Мой однокурсник Ю.А. Дядченко уговорил меня туда ходить. Насколько я помню, семинар был по книге П. Хилтона и С. Уайли «Теория гомологий». Евгений Аркадьевич был одним из наиболее активных участников этого семинара, но заинтересованности в привлечении учеников он не проявлял.

Время, когда я был студентом и аспирантом Бориса Николаевича, было временем моей, да и его молодости. Многое сейчас воспринимается и оценивается не так, как казалось в то время. Наша разница в возрасте в 15 лет сейчас уже кажется не слишком существенной, но тогда была огромной. Но и по прошествии многих лет меня не покидает ощущение, что он обладал гораздо большим жизненным опытом и житейской мудростью, чем я сейчас. В течение жизни я много раз пытался понять, почему именно этот человек произвел на меня такое удивительное впечатление. Что в нем было необычного? На первый взгляд, он мало отличался от окружающих. У него были свои недостатки: он был излишне скромн, не всегда уверен в себе, он не произносил пламенных речей, пытаясь чем-то увлечь. С такими качествами карьеру не делают, и, в общем-то, карьера не была его целью. Свою жизнь он потратил на своих учеников. Хотелось бы верить, что он в этом преуспел. В его занятиях с нами на первый взгляд не было ничего чрезвычайного. В основном, он всего лишь читал наши тексты и комментировал их, большей частью с точки зрения стиля изложения. Главным в этих занятиях была систематичность. В течение недели он находил время, чтобы пару раз увидеться с каждым. И это продолжалось без перерывов несколько лет подряд. Систематичность была главным его секретом. Он очень большое значение придавал своему семинару. Признаться, посещать этот семинар в то время мне не всегда нравилось: слушать студенческие доклады не очень интересно. Но с годами до меня дошло, что этот семинар также был частью его систематичности, а для нас постоянным стимулом к работе.

Ему повезло с родителями. Наверное, от них ему досталась врожденная интеллигентность, запомнившаяся многим, – редкое качество в наше рабоче-крестьянское время. Ему повезло с женой. Думаю, что именно Маргарита Алексеевна создала для него бытовые условия, когда он имел возможность спокойно работать и заниматься тем, чем считал нужным.

Мне кажется, самой большой его мечтой было собрать всех своих учеников в один большой коллектив. Но этой мечте не суждено было осуществиться. Последним шансом была неудачная попытка переехать в Волгоград. Заведующим кафедрой функционального анализа он стал случайно и слишком поздно – его старшие ученики уже пустили корни в других местах, да и большого количества свободных ставок одновременно образоваться не могло.

С возрастом он стал больше улыбаться и шутить. Возможно, это было отражением его восприятия жизни: ничего чрезвычайного не бывает, а наиболее ценное происходит сегодня.

Дважды в год, в районе 1 сентября и в конце мая на свой день рождения, он устраивал приемы у себя дома. Собиралось много народу, и обстановка всегда была удивительно домашней и непринужденной. Это были одни из немногих встреч, когда разговоры велись не только о математике.

Он не увлекался играми в математическую политику – нахождением и поддержанием нужных связей. Поэтому его отношения с другими людьми были абсолютно искренними и длительными. Из влиятельных математиков он всю жизнь поддерживал теплые и совершенно бескорыстные отношения с М. А. Красносельским и А. Д. Мышкисом.

Жизнь Бориса Николаевича напоминает мне хорошо управляемый процесс, который долго удерживается в нужном стационарном состоянии, а конце приводится к заранее запланированному краевому условию.

В.Г. Курбатов